

В.А. Розов
V.A. Rozov

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САКРАЛЬНОЙ РЕЧИ⁶

TYPOLOGICAL FEATURES OF SACRAL SPEECH

Статья посвящена отличительным особенностям сакральной речи, под которой понимается тип речевой коммуникации, противопоставленный профанному и исполняемый в ситуациях взаимодействия со сверхъестественными существами и иными способами взаимодействия человека со сферой сакрального. Кросс-культурный анализ с привлечением материалов ряда географически и хронологически далеких друг от друга культур показал наличие универсальных особенностей сакральной речи на всех уровнях организации языка. К этим особенностям можно отнести широкое использование рифмы и ритма, что роднит сакральную речь с поэзией, а также параллелизм, формульный характер, использование малопонятной, архаической или бессмысленной с точки зрения семантики лексики, гораздо более редкое использование шифтеров и указаний на участников коммуникации по сравнению с обыденной речью. Часто сакральные тексты воспроизводятся на языке, отличном от обыденного. Это может быть иностранный язык, архаическая форма языка повседневного общения, специальный ритуальный язык или язык жреческого сословия. В отдельных случаях коммуникация со сверхъестественными силами сопровождается использованием вымышленных языков и различными формами экстатического речевого поведения (глоссолалия, ксеноглоссия). Основная функция этих языковых средств – отделение сакральной речи от профанной, используемой в повседневной жизни. Наделенное перечисленными выше признаками слово воспринимается как действенное, вещное, способное менять мир или даже наделенное личным началом, одушевленное. Это является отражением архаических представлений о тесной связи между языком, речью, с одной стороны, и окружающим миром – с другой.

Ключевые слова: сакральная речь, мифологическая картина мира, культурная универсалия, ритуал, рифма, ритм, экстатическое речевое поведение.

The article deals with the distinctive features of sacral speech. This is the type of speech communication, opposed to the profane one and used in situations of interaction with supernatural beings or within other ways of interaction with the sphere of sacred. Cross-cultural analysis based on the materials from a number of geographically and chronologically distant cultures demonstrates the presence of the universal features of sacred speech at all the levels of language organization. These features include the intense use of rhyme and rhythm, which associates sacred speech with poetry, as well as parallelism, a formulaic character, the use of

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-311-00303

obscure, archaic or semantically meaningless vocabulary, and scarce use of shifters and indications of communication participants compared to everyday speech. Sacred texts are often reproduced in a language form distinct from ordinary one. This may be a foreign language, an archaic form of the language of everyday communication, a special ritual language or the language of the priestly class. In some cases, the use of fictional languages and various forms of ecstatic speech behavior (glossolalia, xenoglossia) accompany communication with supernatural forces. The main function of these language features is to separate sacral speech from profane one, used in everyday life. A speech marked with these features is perceived as effective, prophetic, and able to change the world. It also could be perceived even as endowed with a personal beginning, animated. This is a reflection of archaic imaginary about the close connection between language, speech, on the one hand, and the world around it, on the other.

Key words: *sacral speech, mythological worldview, cultural universal, ritual, rhyme, rhythm, ecstatic speech behavior.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2020-44-1-50-57

Представления о тесной связи языка и сферы сакрального могут считаться одной из самых древних мифологем мировой культуры. Язык часто выступает в различных мифологических системах как дар божеств людям. Язык и ритуал также тесно связаны друг с другом. «Включенность языка в ритуал несомненна, причем в этом случае имеет смысл говорить об осознанном отношении к языку в ритуале» [8, т. 1, 498]. Это отношение отражает бинарную оппозицию «человек – мир», объясняющую тесную связь языка и сакрального в рамках архаического мышления.

В этой статье под сакральной речью или сакральным дискурсом понимается речь, отделенная от профанной, повседневной речи совокупностью языковых, стилистических и поэтических приемов, а также контекстом использования. Это речь, используемая в ситуациях соприкосновения с миром сакрального. Адаптация языка к нуждам религии не ограничивается только выбором языковых средств в узком понимании этого термина. Важную роль в маркировании сакральной речи играет использование различных форм дискурса и жанров. «Язык» религии, т.е. те языковые средства, с помощью которых выражается религиозное чувство, содержит, таким образом, следующие жанры: духовные песни и религиозные гимны, рецитацию сакральных текстов, молитву, магические и гадательные формулы» [23, 88].

Ядром сакральной речи являются тексты, звучащие в религиозном действии, в ситуации «коммуникации» со сверхъестественным. Как отмечал Р.О. Якобсон, магическая (или фидеистическая) функция языка – превращение отсутствующего или неодушевленного «третьего лица» в полноценного адресата сообщения, участника коммуникации [14, 200]. При этом «коммуникация» с сакральным может быть направлена в обе стороны: как от сверхъестественных существ к человеку (экстатическая речь пророков, шаманов и прорицателей, предсказания, толкования снов), так и наоборот – от человека к божеству (молитвы и вотивные формулы).

В сферу сакрального также можно включить проповеди и иные формы религиозного дискурса, не подразумевающие коммуникацию со сверхъестественным, а также рудиментарные формы религиозной речи, вытесненные за пределы сакрального, но сохраняющие отделенность от повседневного использования языка. Это загадки, поговорки и иные фольклорные формы речи, связь которых со сферой сверхъестественного, мифологического была обнаружена на очень ранних этапах изучения культуры. Так, уже в середине XIX в. Э. Тэйлор, подчеркивая важность изучения следов более ранних верований и практик в развитых культурах, обращал внимание на то, что «в <...> поговорках, являющихся иногда остатками старинной магии и религии, можно порой отыскать более

глубокий смысл, чем тот, который в них вкладывается теперь, или найти действительный смысл в том, что теперь кажется нелепостью» [10, т. 1, 113].

Также можно выделить специальные религиозные формулы, включаемые в текст сообщения и призванные маркировать религиозную принадлежность говорящего. Такого рода формулы, особенно часто предваряющие речь (например, исламское посвящение *bismillāhi r-rahmāni r-rahīm* («во имя Аллаха милостивого и милосердного»), часто предшествующее выступлению ораторов и помещаемое в начале книг, служит для обозначения религиозной идентичности адресанта сообщения и, в свою очередь, способствует установлению контакта с аудиторией, разделяющей те же ценности. Это позволяет «укреплять чувство религиозной солидарности и проводить границы идентичности» [19, 206].

Несмотря на многообразие форм и конкретных аспектов реализации сакральной речи в ходе конкретных речевых актов, они отмечены общими чертами, типологически схожими в большинстве культур. Еще большее сходство демонстрируют формы речевого поведения, служащие для коммуникации со сверхъестественными силами. Отчасти это связано с тем, что, помимо социального измерения человеческой жизни, общественных отношений, язык отражает также и внутренние психические и когнитивные механизмы работы сознания. Социальная природа языка и выражаемой через него категории сакрального несомненна, однако и категория сакрального, и язык, являясь символическими формами поведения, также «должны быть определенным образом соотнесены с особенностями ментально-психической структуры человека» [8, т. 1, 532]. Именно благодаря языку религии «религиозное сознание оказывается практическим, действенным, становится групповым и общественным, а тем самым существующим и для индивида» [13, 461].

В наделении слова особой силой, в отождествлении слова и обозначаемого им явления реальности, лежит общая для архаических культур особенность – неконвенциональная трактовка языкового знака. Это представление о том, что слово – не условный символ для обозначения какого-либо предмета или явления реального мира, а его часть. Именно на этом представлении основывается вера в возможность магического воздействия на мир посредством слова, а также значение, придаваемое знанию имен (собственных и нарицательных) в традиционной культуре. При этом «истоки неконвенционального восприятия знака лежат не в изначальном фидеизме сознания, но в первичном синкретизме отражения мира в человеческой психике – это одна из фундаментальных особенностей дологического мышления» [3, 42].

Сакральная речь отличается от иных форм коммуникации, поскольку она служит для обозначения или является неотъемлемой частью критических, поворотных моментов жизни человека. Этим, а также ситуацией контакта с намного превосходящими в своем могуществе человека силами, объясняется «особый драматизм сакральной речи» [3, 77]. Речь, звучащая в контексте отделенных от мира профанного ситуаций, также должна отличаться особыми свойствами, отделяющими ее от повседневной речи, используемой в ежедневной коммуникации. Более того, высказывания, звучащие в ходе ритуала и религиозных церемоний, отличаются иным уровнем эвиденциальности по сравнению с профанной речью, поскольку «источник сообщения обладает могущественной силой и знанием, намного превышающими способности обычного человека, или вообще находится вне пределов мира» [18, 313–314].

Одним из основных отличительных признаков религиозного дискурса является использование языка, отличного от используемого в быту. Это может быть полностью другой язык, отличный от повседневного (каким, например, является арабский для мусульман, живущих в неарабских странах и регионах), часто – нигде, кроме религиозной сферы не используемый, входящий в число мертвых языков (характерным примером является коптский для арабов-христиан Египта). Однако возможен и вариант, когда для религиозных целей используется особый «книжный» или архаичный вариант языка повседневного общения, что ведет к ситуации диглоссии. Таким, например, является

литературный арабский язык для мусульман-арабов, в быту использующих многочисленные арабские диалекты или разговорно-бытовые варианты языка.

Характерно, что архаичность религиозной лексики, а также строя используемого для сакральных целей языка, его единство на фоне бытования многочисленных диалектов не является отличительной чертой исключительно развитых религиозных систем, располагающих корпусом канонической литературы. Сакральная речь выступает в роли своеобразного «заповедника», где сохраняются и передаются из поколения в поколение давно утраченные в повседневной речи языковые явления, причем такое свойство сакральной речи проявляется в самых разнообразных культурах мира, в т.ч. архаических. Так, среди шаманов у народов Сибири и крайнего Севера распространен особый шаманский язык, отличающийся обилием архаичных лексических и грамматических форм, а также большим единством по сравнению с используемыми в быту вариантами языка. В.Г. Богораз, описывая язык эскимосских шаманов, отмечает, что «слова стареющие и отмирающие в одном наречии, переходящие в разряд волшебных и шаманских, в другом наречии продолжают жить естественной жизнью, и таким образом естественное, можно сказать, объясняет сверхъестественное ... Мало того, исследуя язык азиатских шаманских заклинаний, мы находим в нем элементы, исчезнувшие в других наречиях» [1, 8–11].

Нередко в роли особого языка религиозных групп выступают специальные арго и новые языки, призванные объединить последователей. В роли маркера сакральной коммуникации может выступать и регистр речи, отличной от повседневной, в т.ч. «за счет использования специальной лексики или придания обычным, общеупотребимым словам языка особого для членов религиозной группы значения» [23, 87]. Ярким примером служит «высокая речь» политических и религиозных лидеров североамериканского племени Юрок. Когда лексические единицы обиденного языка используют обладатели духовной и политической власти племени, словам приписывается иное, «духовное» измерение, относящееся «к реалиям не земного, но потустороннего мира» [17, 474].

Подобное придание дополнительной семантики словам быденного языка характерно для новых религиозных групп и сект. Созданием особого языка достигается монолитность группы и формирование ее идентичности, основанной на противопоставлении окружающему миру. Также через формулирование и озвучивание идей посредством особого языка, принятого в религиозной группе, постепенно происходит формирование особого типа мышления, что часто бывает сопряжено, если речь идет о деструктивных сектах, со снижением когнитивных способностей. Таким образом, помимо роли в формировании внутригрупповой идентичности и консолидирующей функции, «особый, понятный только членам общины язык деструктивных религиозных групп является и одним из приемов психологической манипуляции» [6, 86].

Характерной чертой сакральной речи также являются экстатические формы речевого поведения, такие как глоссолалия и ксеноглоссия («говорение на языках»), возникающие у человека в состоянии транса. Они особенно характерны для культов, в которых большое значение придается экстатическим состояниям, и общению с духами. Впрочем, экстатическое речевое поведение встречается как в очень архаичных шаманских культах, так и в мировых религиях (в частности, в рамках христианства оно особенно распространено у протестантов-пятидесятников). Возможно, экстатические формы речи связаны с т.н. «внутренней речью» (по Л.С. Выготскому) – «Подобные субдоминантные формы речи – еще не слившиеся с мыслью или рудиментарные, остаточные формы, типа произвольных повторов (эхолалия), малосвязного бормотания (глоссолалия) – мы наблюдаем у детей; отмечаются они и в архаических культурах» [цит. по: 4, 109]. Вероятно, именно субдоминантные формы речи могут интерпретироваться в этих культурах как голоса духов, как «язык богов» (ср. шаманскую заумь и вообще заумь в магических текстах), с чем связано мистическое осмысление поэтического слова в архаических традициях» [4, 109]. Как заметил М. Элиаде, «было бы крайне поучительным исследовать, в какой степени техники экстаза ведут к языковому творчеству, и изучить его механизм. Ведь

известно, что шаманский "язык духов" не только подражает крикам животных, но и содержит некоторое количество произвольных образований, объясняющихся, вероятно, предэкстатической эйфорией и экстазом» [12, 343].

Эти формы языкового поведения имеют черты сходства с заговорами и заклинаниями, в которых часто включаются разнообразные семантически бессмысленные (с точки зрения непосвященного) слоги, слова и фразы – «абракадабра». Такого рода слова являются отличительным свойством устных заклинаний и заговоров в различных культурах мира. Это связано с верой в действенную силу слова как такового. Вообще, отсутствие семантического значения или его «туманность» может рассматриваться в качестве характерной черты магического слова. Эта особенность выполняет двойную функцию: отделяет магическую речь от повседневных, профанных разговоров, а также позволяет особо выделить, подчеркнуть роль интонации и ритма [22, 8]. Иными словами, «и семантически бессмысленные псевдослова экстатической речи, и заклинания объединены одним общим свойством: они не передают логическую информацию, но являются при этом одним из кодов невербальной коммуникации» [21, 2–3].

Ярким примером являются слова с неясным значением в речи дархатских шаманов. «Дархаты – один из малочисленных народов Монголии, исповедуют буддизм и различные варианты местных верований. В результате распространения буддизма в Монголии в речи дархатских шаманов появилось большое количество искаженных слов из китайского, санскрита и тибетского. Тем не менее, использование загадочных слов с неясным значением было отличительной чертой дархатских камланий еще до контактов с буддистами. Одним из них является слово неясной этимологии *sal(u) / sāl(u)*, которым призывают разнообразных духов» [16, 245–246].

Широкое использование рифмы и ритма, а также формульных выражений является важным и часто встречающимся маркером сакральной речи. Это роднит ее с речью поэтической и отделяет названные формы речевого поведения от обыденной речи. Рифма, ритм, формульные элементы и параллелизм создают особую ритмику сакрального текста, эмоциональное воздействие которого усиливается его воспроизведением с использованием разнообразных модуляций голоса, интонаций. В силу этого «религиозный дискурс часто бывает довольно сложно отделить от других маркированных форм речи, отличающихся от обыденного использования языка, в первую очередь – от поэтической или церемониальной речи» [24, 49]. «"Грамматика" поэзии, совсем как в магической речи, основана, в числе прочих вещей, на особом ритмическом характере речи, а также на использовании особого типа языка, который значительно отличается от обыденной, повседневной речи» [22, 8–9].

Одним из наиболее распространенных способов придания мерности, упорядоченности сакральной речи является параллелизм, который вообще представляет собой чрезвычайно архаичную форму стиха. Как отмечал Р.О. Якобсон, «такие поэтические модели, для которых обязательно или предпочтительно наличие того или иного подобия у следующих друг за другом словесных рядов, широко распространены в языках мира и представляют собой особенно благодарный материал для изучения языка поэзии и языка вообще» [15, 99]. В таких моделях две или более строк несут схожее семантическое значение, а их синтаксический строй и морфологическая форма входящих в них слов совпадают. Часто параллелизм построен на «устойчивой традиции лексических пар, отражающих функционирующие в рамках традиционной культуры оппозиции» [18, 318]. Широкое использование параллелизма характерно для сакральной речи многих культур, относящихся к самым разным географическим ареалам.

Существует тесная связь между поэзией и сферой сакрального: поэтическое вдохновение часто приписывалось действию сверхъестественных сил: согласно архаическим представлениям, поэтическая речь не «изготавливалась», «творилась» поэтом, а именно «добывалась», приходила извне [4, 111–112]. «Дар вещего, поэтического слова направляется избранным людям богами – либо непосредственно, либо при помощи какого-либо магического предмета, чаще всего – меда (что, разумеется, подчеркивает сладость

поэзии), и придает его обладателю особую силу» [7, 21]. Верно и обратное: поэтическая, упорядоченная рифмой и ритмом, украшенная эпитетами и метафорами речь считалась особо действенной, вещей. Это может быть объяснено тем, что для архаического сознания важную роль играла ритмическая упорядоченность бытия: «собственно время архаического восприятия – а во многом, пережиточно, и обыденного современного – не столько время, сколько ритм» [2, 144].

Ритмически упорядоченная речь, таким образом, отражала устройство Вселенной, связывая микрокосм человека с макрокосмом. Можно сказать, что «смысл деятельности поэта-"грамматика" и жреца совпадает: оба они борются с хаосом и укрепляют "космическую" организацию, ее принцип, твердое, устойчивое место, в котором пребывает божественное и сакральное. Поэт и грамматик <...> строят "образ мира, в слове явленный", подобно жрецу, который в ритуале строит (в частности, с помощью слов) сам этот мир» [8, т. 1, 499]. Хотя это обычно понимается как имитация реальности поэтическим языком и другими формами искусства, более тщательный анализ показывает, что часто, например, в рифме, слова подражают другим словам и, таким образом, имитируют реальность. «Поэтическая имитация создает виртуальный мост между языком и реальностью, иллюзию овладения природным, космическим языком» [26, 56].

Особая структурированность сакральной речи служит надежным механизмом ее передачи из поколения в поколение, что является еще одним признаком, роднящим ее с поэтической речью. «Как известно, специфическая структурированность фольклорных текстов обеспечивает особые (а до появления письменности — единственно возможные) способы их трансмиссии, что позволяет хранить и актуализовывать культурную память данного сообщества. При этом сам устный текст осуществляется только здесь и сейчас; его реальность – лишь в процессе произнесения; пока он не звучит, он в известном смысле и не существует» [4, 108]. Поэзия, как и магическая речь, «не столько помогает описать и понять, сколько опережить (магическая суггестивность поэзии)» [9, 77].

Сакральная речь является таковой потому, что отличается, отделяется от обыденной речи с помощью описанных в этой главе средств выразительности и в ряде случаев она имеет особый, перформативный характер. Сакральный характер речи, обусловленный верой в силу звучащего слова или ее отношениям к существам и явлениям потустороннего мира, предполагает ее особую действенность и эффективность. Она – не только акт коммуникации, но и действие. «Речь выступает в виде инструмента, силы, активно преобразующей и изменяющей мир. Для многих культур мира характерно отношение к слову как к материальной субстанции или даже живому существу» [4, 109–110].

Это действенное, эффективное слово нередко персонифицируется в различных культурах мира. Так, «североамериканские индейцы Навахо рассматривают молитвы как личности, с которыми можно вступать в коммуникацию» [20, 144]. Особенно это справедливо по отношению к заклинаниям, которые служат способом поставить силы потустороннего мира на службу произносящему определенные слова, заставить что-либо свершиться. Впрочем, даже нарративные тексты в сознании архаического человека обладают перформативной силой: «изложение текста в архаической культуре является актом не миметическим, а манифестационным. Повествуемый текст претворяется в особого рода реальность, как бы материализуется» [4, 114].

Еще одной точкой схождения сакральной и поэтической речи является их метафорический характер. Поэтическая речь может быть интерпретирована несколькими способами, в ней один план выражения соответствует многим планам содержания. Энигматичность сакральной речи, выражается в наличии нескольких семантических уровней высказывания. Так, за «обычным», «профанным» смыслом слов скрывается система аллегорий, образов и отсылок, понятных лишь посвященным, тем, кто располагает адекватным аппаратом по ее интерпретации. В этом случае сакральная речь может не иметь каких-либо отличий на лингвистическом и риторическом уровне от профанной речи – «сакральное значение она имеет только для того, кто знаком с кодом, посвящен в систему

символов, с помощью которых семантику текста можно интерпретировать на отличном от выраженного обыденным значением слов уровне» [25, 206]. Например, практикам тибетской тантры был «известен тайный язык, <...> как и разным течениям тантризма в Индии, использующим "туманный язык", в котором одна и та же форма может иметь до трех-четырёх различных значений. Все они в какой-то мере близки к "языку духов" или к "тайному языку" как североазиатских, так и малайских или полинезийских шаманов» [12, 342].

Характерной чертой сакральных текстов, роднящих ее с фольклорными произведениями, является отрицание авторства произносящего, который считает себя в данном случае всего лишь передатчиком сообщения от потусторонних сил или существ, которым и приписывается источник приводимых в высказывании сведений или приказаний. Это выражается как в прямом указании на источник сообщения, отличный от говорящего, так и в избегании шифтеров, т.е. слов, маркирующих участников речевой ситуации. «В ритуальной речи, особенно если она считается исходящей от сверхъестественных сил, местоимения "я", "мы", "ты", "вы" используются гораздо реже, чем в повседневном общении» [18, 319].

Итак, для сакральной речи на всех уровнях ее организации характерен ряд признаков, отделяющих ее от профанной, обыденной речи и тем самым приближающих ее к речи художественной. Это использование особой формы языка (в ряде случаев – другого, специального языка), отличающейся архаизмом грамматических и лексических средств. Чужое, отличное от обыденного и еще не запятнанное контактом с ним слово воспринимается как священное. Сакральную речь также отличает «темный», аллегорический характер, богатая система символов и отсылок, что придает ей таинственный, мистический характер. Слова часто употребляются не в своем прямом, а в переносном значении и требуют дешифровки, истолкования. Сакральное слово – слово таинственное, и характеризующее его «соответствие между не вполне понятным, непривычным (но одновременно чтимым в силу древности) и таинственным как таковым» [5, 113] отделяет сакральную речь от обычных, мирских слов. Наконец, сакральная речь отличается от профанной наличием рифмы и ритма, параллелизмом, широким использованием паралингвистических средств коммуникации. Отмеченное такими чертами слово воспринимается в рамках архаического сознания и в более поздних религиозных традициях как действенное, наделенное особой силой, способной менять мир.

1. Богораз В.Г. *О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени // Известия Академии Наук. Сер. 6. 1919. Т. 13. № 8–11. С. 489–496.*
2. Касевич В.Б. *Буддизм, картина мира, язык. СПб., 1996.*
3. Мечковская Н.Б. *Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1998.*
4. Неклюдов С.Ю. *Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: звук, слово, образ / отв. ред. В.В. Иванов. М., 2003. С. 108–119.*
5. Отто Р. *Священное. Об иррациональном в отношении с божественным и его соотношении с рациональным / пер. с нем. яз. А.М. Руткевич. СПб., 2008.*
6. Раевский А.Е. *Психологическое манипулирование в новых религиозных движениях // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2009. № 2. С. 81–89.*
7. Савельев А.Л. *История идеи универсальной грамматики (с древнейших времен до Лейбница). СПб., 2006.*
8. Топоров В.Н. *О ритуале // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005.*
9. Торчинов Е.А. *Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998.*
10. Тэйлор Э. *Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1 / пер. с англ. В. Никольского. М., 2009.*
11. Элиаде М. *Священное и мирское / пер. с фр. Н.К. Гарбовского. М., 1994.*
12. Элиаде М. *Шаманизм и архаические техники экстаза / пер. с фр. А.А. Васильевой, Н.Л. Сухачева. М., 2014.*

13. Яблоков И.Н. Язык религии // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С. 460–461.
14. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против: сб. статей под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М., 1975. С. 193–230.
15. Якобсон Р. Работы по поэтике. Переводы / сост. и общ. ред М.И. Гаспарова. М., 1987.
16. Birtalan A. Sacral Communication of Darkhad Shamans: Some Aspects of Verbal communication // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2012. Vol. 65. № 2. P. 235–256.
17. Buckley T. Yurok Speech Registers and Ontology // Language in Society. 1984. Vol. 13. № 4. P. 467–488.
18. Du Bois J.W. Self-Evidence and Ritual Speech // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology (Ed. by W. Chafe and J. Nichols). Norwood, 1986. P. 313–336.
19. Ferguson C.A. Sociolinguistics of Religion // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1985. Languages and Linguistics: The Interdependence of Theory, Data, and Application (eds. D. Tannen, J.E. Alatis). Washington, 1986. P. 205–213.
20. Gill S.D. Prayer as Person: The Performative Force in Navajo Prayer Acts // History of Religions. 1977. Vol. 17. № 2. P. 143–157.
21. Jaquith J.R. Toward a Typology of Formal Communicative Behaviors // Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9. № 8. P. 1–8.
22. Passalis H. From the Power of Words to the Power of Rhetoric: Nonsense, Pseudo-Nonsense Words, and Artificially Constructed Compounds in Greek Oral Charms // Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming. 2012. Iss. 2. P. 7–22.
23. Samarin W.J. The language of religion // An international handbook of the science of language and society (Eds. by A. Ulrich, N. Dittmar, K.J. Mattheier). Vol. 1. Berlin – New York, 1987. P. 85–91.
24. Webb K. Religious language // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 47–71.
25. Willard T. What is mystical language? // Papers in the History of Linguistics. Proceedings of the Third Conference in the History of the Language Studies (ICHoLS III). Amsterdam-Philadelphia, 1987. P. 201–209.
26. Yelle R.A. Explaining Mantras: Ritual, Rhetoric, and the Dream of a Natural Language in Hindu Tantra. London – New-York, 2003.